

УДК 930(437)

**КОНЦЕПЦИЯ «КРИТИЧЕСКОГО СЛАВЯНСТВА» Т. Г. МАСАРИКА
И ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА****О. В. Павленко**

В статье рассматривается изучение истории славян в Чехословакии в 1920–1930-е годы XX века. Этот период отмечен масштабными славянскими исследованиями, которые проводились в Русском свободном университете, получавшем субсидии от правительства Чехословацкой республики. Ключевой фигурой в историографии того периода является президент Т. Г. Масарик, оставивший значительное интеллектуальное наследие. Его исследования посвящены истории славянской идентичности в России и Европе, а также изучению русского консерватизма, который Т. Г. Масарик воспринимал сквозь призму либеральной критики и использовал ту же аргументацию. Значительное внимание Т. Г. Масарик уделял изучению коллективных идентичностей в Австро-Венгрии. По его мнению, национальное сознание наиболее успешно распространяется там, где резче проявляются контрасты «Своего» и «Чужого». Тем не менее региональный сепаратизм уравнивался историческим сознанием «общей родины», закрепленным опытом нескольких столетий. Концепция «критического славянства», разработанная Т. Г. Масариком, включала три основных компонента: обоснование последовательного перехода от общеславянской к национальной идентичности у народов монархии Габсбургов; осмысление общности малых народов, проживавших на территории монархии Габсбургов; либеральную интерпретацию развития славянской идеи в России. Эта триада стала доминирующей в последующих исторических исследованиях чехословацких ученых в межвоенный период. В статье также рассматриваются подходы К. Крамаржа, А. Штефанека, З. Неядлы и В. Жачека, которые относились к различным направлениям чехословацкой историографии: в своих трудах они или развивали идеи Масарика, или оппонировали ему. В статье делается вывод о том, что, несмотря на различие в подходах, концепции межвоенного времени так или иначе выстраивались вокруг тех проблем, которые были поставлены в трудах Т. Г. Масарика. Ученые пытались дать на них свои ответы в зависимости от профессионального опыта и личных убеждений. За рассуждениями об исторических судьбах славянской идеи прослеживались острые общественные дискуссии о молодой чехословацкой демократии, ее отношении к своему прошлому и к СССР.

Ключевые слова: Т. Г. Масарик, «критическое славянство», чехословацкие исследования, межвоенный период, историография, коллективная идентичность.

Для цитирования: Павленко О. В. Концепция «критического славянства» Т. Г. Масарика и чехословацкие исследования межвоенного периода // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 127–135.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-127-135

В 1920–1930-е годы в Чехословакии, словно принимая эстафету от России и Австро-Венгрии, развернулись масштабные славянские исследования. В Прагу эмигрировали многие русские ученые-слависты. Они получали субсидии от правительства Первой республики, которое покровительствовало славистике. Здесь был открыт Русский свободный университет [5, с. 11–13], где работали крупные слависты из России. В межвоенный период именно Прага не только сохранила, но и укрепила свою репутацию ведущего славистического центра Европы.

Славянская традиция имела настолько глубокие корни в научной мысли чехов и словаков, что смогла сохранить приоритетное положение вплоть до конца 1980-х годов. Именно чехословацкой историографии принадлежало первенство в осмыслении славянской идентичности в Центральной Европе.

Основатель Чехословацкой республики – Т. Г. Масарик (1850–1937 гг.) – оставил значительное интеллектуальное наследие, в том числе труды о роли России в политической истории не только его страны, но и всей Центральной Европы. Он уделял большое внимание разработке моральных ценностей и идеологии чехословацкой нации, оказывая сильное влияние на методологию национальной историографии¹.

Научное наследие Т. Г. Масарика вбирает в себя политические, исторические и социологические труды, философские размышления, культурологические эссе. В них ощущаются не только академические подходы, но и пульс времени, те насущные задачи, которые он решал как лидер чешской политики, вовлеченный в борьбу партий и идей. Действительно, политика буквально пропитывала всю ткань его научных исследований. Тем интереснее их изучать, поскольку работы Т. Г. Масарика во многом способствовали созданию особых славянских кодов в коллективной памяти народов Центральной Европы.

О Масарике написаны сотни исследований, среди которых отдельное направление посвящено его взглядам на славянскую идентичность. В материалах Российско-чешской комиссии историков и архивистов (2016) тему славянских исследований Т. Г. Масарика поднимают известные чешские и российские ученые [1, с. 82–110; 2; 3, с. 110–137; 6]. Масарик давал ответы на вопросы, десятилетиями волновавшие чешское общество: как относиться к панславизму? Как соотносить славянскую, чешскую и чехословацкую идентичности? Какое место занимает славянская идея в системе национальных приоритетов? Как воспринимать Россию?

Т. Г. Масарик хранил верность расширительному толкованию понятия «панславизм», несмотря на накал полемики с австро-немецкой публицистикой. В знаменитом труде «Россия и Европа» (первое издание – в 1918 г., Вена) он подчеркивал, что национальное возрождение славянских народов с самого начала имело «более или менее выраженную панславистскую программу»². Первые опыты Т. Г. Масарик расценивал как «академический панславизм», который впоследствии был заменен осознанным «чешством» (česství – по его терминологии). «Малым панславизмом» он называл австрославизм³. Разработанная Т. Г. Масариком типология развития славизмов в России и Европе была похожа на концепцию русского академика либерального

¹ О роли Т. Г. Масарика в межвоенный период см. исследования Е. Фирсова и Е. Серапионовой.

² Masaryk T. G. Rusko a Evropa. Díl. 1. Praha, 1930. S. 472.

³ Ibid. S. 476: “... panslavism, jakožto neurčity kosmopolitism, byl nahrazen plně uvedomělým češtvím, na místo “velikého” panslavismu byl postaven panslavism “malý”, totiž austoslavism” (... панславизм, как некий неопределенный космополитизм, был заменен сознательным чешством, вместо «большого» панславизма был создан панславизм «малый»).

направления А. Н. Пыпина, выдвинутую в его книге «Панславизм в прошлом и настоящем» (1878; 1903). Хотя сам Т. Г. Масарик на эту работу не ссылался. Возможно, оба ученых пришли к схожим выводам самостоятельными путями.

Типология славизмов в России включала, по мнению Т. Г. Масарика, следующие направления: славянофильство; западничество; панрусизм; консерватизм. Славянофильство характеризовалось им как консервативная философская система – «особый тип русского романтизма» с абсолютизацией Православия и «классического национализма»¹. В отличие от славянофилов, для западников (П. Я. Чаадаев, Н. Г. Чернышевский, А. Н. Герцен) славянская идея не имела ключевого значения. Скорее, использовалась ими для доказательства тезиса, что Россия сама способна воплотить социализм и «омолодить» Европу². К панрусистам он относил М. П. Погодина и С. В. Шевырева, доказывая их принципиальное отличие от славянофилов³. Консервативная доктрина в России, писал Т. Г. Масарик, подменяет религиозные размышления «официальным клерикализмом и русификаторской церковной политикой Синода»⁴. Он резко критиковал русский консерватизм, называя его «официальной теократией с национально-шовинистическим содержанием»⁵.

По политическим взглядам Т. Г. Масарик был близок к русским либералам. Неудивительно, что он воспринимал российский консерватизм, к которому относил М. Н. Каткова, Победоносцева, Достоевского, Н. Я. Данилевского, сквозь призму либеральной критики и использовал ту же аргументацию. Он не понял и не хотел понять природы российского консерватизма, подчеркивая в нем только «реакционное начало».

В 1921 году один из первых исследователей творчества Т. Г. Масарика – чешский ученый А. Черны – проанализировал русские источники его воззрений. Он доказал, что идеи В. С. Соловьева, М. Н. Милюкова, Н. И. Кареева оказали наибольшее влияние на формирование концепции «критического славянства» Т. Г. Масарика⁶. Вслед за русскими либеральными мыслителями, Т. Г. Масарик понимал, что в России первично «чувство национальности», а все славянские идеи – вторичны. Само влияние русских панславистов было, по его мнению, сильно преувеличено западной публицистикой, намеренно нагнетавшей «русско-славянскую угрозу» в европейском обществе. На самом деле панславистские увлечения разделял довольно узкий круг интеллигенции. Доказательство этому утверждению Т. Г. Масарик видел в провале движения неославизма (по его терминологии – «панславистского славянофильства») в России в начале XX века⁷.

Гораздо большее внимание он уделял изучению природы коллективных идентичностей в Австро-Венгрии. Внимательно всматриваясь в современное ему общество, Т. Г. Масарик делал вывод, что национальное сознание наиболее успешно распространяется там, где резче проявляются контрасты «Своего» и «Чужого». В остром соприкосновении с «Другими» общество начинает на подсознательном уровне, а затем все более осмысленно понимать, где проходят границы собственной идентичности.

¹ Масарик особо подчеркивал: «Славянофильский мессианизм не тождествен национальному шовинизму и национальному панславизму» (Masaryk T. G. Op. cit. S. 496; 504).

² Ibid. S. 620–622.

³ Ibid. S. 492.

⁴ Ibid. S. 492.

⁵ Masaryk T. G. Rusko a Evropa. Díl. 2. Praha, 1930. S. 269.

⁶ Černý A. Masaryk a slovanstvo. Praha, 1921. S. 20–25.

⁷ Ibid. D. 1. S. 496.

Фактор неравенства всегда был стимулом национальной борьбы. Это обрекало многогосударственные государства либо искать консенсус, либо распасться. Но одновременно действовал и другой фактор, сдерживавший процессы фрагментации и сепаратизма. Это – общая повседневная жизнь разнородных сообществ в одном государстве, историческая привычка к совместному проживанию. Подобная дихотомия, отмеченная Т. Г. Масариком, действительно оказывала влияние на все стороны жизни «старой, доброй Австрии». Сепаратизм удивительным образом уравнивался историческим сознанием «общей родины». Будучи искушенным политиком, он прекрасно осознавал, как важно находить баланс между национальными и общегосударственными интересами. Но реализовать этот опыт в практической политике Первой Республики так и не смог, наделив чехов доминирующими позициями в новом государстве.

Чешский крен проявлялся и в оценках внутренних ресурсов словацкой политики, явно недооцененной Т. Г. Масариком. Он не скрывал критического отношения к «идее славянской взаимности», созданной словаком Яном Колларом. В труде «Чешский вопрос» доказывал, что это лишь повторение идей немецкого философа Гердера, к которым было добавлено собственное понимание славянского мессианизма. Он критиковал Коллара за «философско-историческую двойственность», колебание между «гуманистической взаимностью и панславизмом национального толка»¹. Учение Коллара, в котором воспевалась идентичность «татранских славян» (словаков), расценивалось им как вызов доктрине «чехословакизма», согласно которой чехи, словаки и моравы образуют единый народ. На этом идеологическом фундаменте возводилась Первая республика в межвоенный период. Иные толкования воспринимались как эклектичные и неполноценные.

Неудивительно, что в трудах Масарика последовательно проводилась мысль, что именно чешские слависты Йозеф Добровский и Павел Шафарик оказали прямое влияние на мировоззрение Яна Коллара и создали «академический панславизм» в противовес пангерманскому движению².

В сравнительных исследованиях он нередко использовал один и тот же прием, противопоставляя идеи словака Яна Коллара и чеха – Карла Гавличка – Боровского. Так выстраивалась дихотомия двух начал – «умозрительного, общеславянского» и национального, чешского. Эволюция славянской идеи была представлена им как непрерывная традиция: Добровский – Коллар – Гавличек-Боровский – Палацкий. Согласно его концепции, первые формы проявления патриотизма имели общеславянские черты, но постепенно из них стала выкристаллизовываться чешская идентичность и понимание собственных национальных интересов. Он ставил также в вину Яну Коллару антагонистическое противопоставление немцев и славян. Такой подход, по его мнению, создавал «барьеры на пути к чешскому равноправному положению в Австро-Венгрии»³.

Т. Г. Масарик предлагал другое видение славянской идентичности, удачно используя две метафоры. Если в первой половине XIX в. многие разделяли позицию

¹ Masaryk T. G. Česká otázka. S. 118–119; Idem. Jana Kollara slovanská vzájemnost // Naše doba. Praha, 1893. 4/1; Praha, 1894. S. 724–726.

² Ibid. S. 724–726.

³ Idem. Rusko a Evropa. Díl. 1. S. 473. О противостоянии чехов и немцев много писали в межвоенный период. См.: Bittner K. Herders Geschichtsphilosophie und die Slawen. Reichenberg, 1929; Reinhold E. R. Herder and Foundation of German Nationalism. New York, 1931; Wiskeman E. Czechs and Germans. London, 1938. VIII; Krebs P. Kampf in Böhmen. Berlin, 1936; Radl E. Der Kampf zwischen Tschechen und Deutschen. Reichenberg, 1928.

ученого-слависта Йозефа Юнгмана – «славянин и патриот», то после революции 1848 г. под влиянием идей Франца Палацкого и Карла Гавличка-Боровского укрепилось другое убеждение – «чех, не славянин»¹. Во многом благодаря трудам Масарика и его политическому авторитету, в коллективной памяти чехов закреплялась общая установка – гуманистическая, но абстрактная идея славянства неизбежно должна была переродиться в чешскую национальную идею.

В эту линейную схему был вписан дискуссионный сюжет о русофильстве австрийских славян. Масарик и здесь нашел объяснение, намеренно упрощая всю его сложность и многогранность. Согласно его объяснениям, в первой половине XIX в. австрийские славяне идеализировали Россию, испытывая «естественные надежды на самосохранение», «русославизм или русофильский панславизм, или прямо панрусизм»². Но постепенно осознали, что нужно верить только в собственные силы.

Таким образом, концепция «критического славянства» Т. Г. Масарика, которую он последовательно развивал с конца XIX в. вплоть до 1920-х гг., включала три основных компонента. Во-первых, обоснование последовательного перехода от общеславянской к национальной идентичности у народов монархии Габсбургов. Во-вторых, осмысление общности малых народов, проживавших на территории монархии Габсбургов, их общего исторического опыта и политических интересов. В-третьих, либеральную интерпретацию развития славянской идеи в России. Эта триада не только не развеялась со временем в чехословацкой историографии, но напротив, еще глубже вошла в концептуальное пространство исторической науки. По сути, она стала той безусловной позицией а priori в последующих исторических исследованиях, которая уже не требовала дополнительных доказательств, а принималась не только учеными, но и обществом как достоверное явление.

Несмотря на видимые искажения и политизацию, его концепция «критического славянства» стала особым явлением в национальной историографии, вызвав резкую поляризацию исследовательских позиций. С межвоенного времени до конца 1960-х годов чехословацкая историография развивалась в дискуссиях о смыслах славянской идеологии и политики. Хотя высказывались различные взгляды, но политическая актуализация темы «славянство и Россия» была характерна для всех направлений. Это была как раз та ситуация, когда грани между исторической наукой, памятью и политикой оказались весьма подвижными. При этом они быстро изменялись под влиянием международных трансформаций.

В труде профессора Пражского университета Ярослава Бидло «История Славянства» было показано, как пространство Восточной Европы соединяет в себе влияния «греко-славянского» и «романо-германского» культурно-исторических типов. Славянская идея, по его мнению, сыграла важнейшую роль в становлении идентичностей славянских народов, без нее не смогла сформироваться ни одна из современных славянских наций³. Но общеславянские мотивы изжили себя, констатировал этот авторитетный ученый, во главу угла нужно ставить сугубо национальные интересы.

В противовес этому подходу звучали другие мнения. Знарок творчества Коллара, М. Вайнгарта, выступал с идеей создания особой «науки о славянской взаимности». Цель ее – комплексный анализ синхронных процессов в развитии славянских

¹ Masaryk T. G. Jana Kollara slovanská vzájemnost. S. 754.

² Ibid. S. 739.

³ Bidlo J. Dejiny slovanstva. Praha, 1927. S. 255–256.

культур, политики и общественных устремлений. М. Вайнгарт предлагал разработать вертикальную и горизонтальную шкалу для сравнительного изучения трансформаций славянских идей и теорий. Следующей ступенью должен был стать, по его мнению, более сложный синтез социологических и структурных методов. Изучение синхронных и асинхронных процессов позволило бы лучше понять, по его мнению, динамику европейской истории¹. Эти идеи были вообще характерны для межвоенного времени, когда среди гуманитариев было распространено представление, что развитие человечества можно измерять циклами и закономерностями.

Иное понимание славянского фактора в европейской политике содержалось в трудах известного политика – Карла Крамаржа. В определенной степени он был антиподом Т. Г. Масарика. Активно продвигал общеславянские идеи в конце XIX – начале XX вв. Имел обширные связи в российских политических и торгово-финансовых кругах. Если бы не крах Российской империи, возможно, его политическая карьера могла бы высоко взлететь. В отличие от Т. Г. Масарика, он высоко оценивал влияние славянской идеи на чешское движение. Будучи убежденным русофилом, Карл Крамарж так и не принял русскую революцию. Он считал, что Российскую империю погубила антигосударственная фронда интеллигенции. Но не был склонен идеализировать и монархию Романовых, критикуя бездарную социальную политику, коррумпированность государственной бюрократии, приверженность высшей власти к традиционализму и опасение либеральных реформ. В то же время Карл Крамарж отдавал должное последовательной славянской политике России, которая была направлена на защиту интересов зарубежных славян, их моральную и финансовую поддержку². Наиболее яркие, мы полагаем, современные исследования, посвященные Карлу Крамаржу, были изданы в Германии и России, несмотря на то, что библиография насчитывает несколько десятков книг [4; 7].

В 1927 году был создан Славянский институт в Праге, целью которого стало комплексное изучение культуры, истории и политики славянских народов. На страницах его изданий постоянно проявлялась полемика между сторонниками и оппонентами концепции критического славянства. Даже в трагический для Чехословакии 1938 год в материалах Славянского института, посвященных столетнему юбилею трактата Яна Коллара о славянской взаимности, снова сталкивались два подхода. В статье ученого из Братиславы Франка Воллмана в очередной раз выстраивалась типология идей славянского мессианизма. Он не признавал существование цельной панславистской доктрины, но указывал на существование двух исторических «доминант». Первая – интеграционная, рожденная из осознания общности всех славян. Вторая – «доминанта дифференционная», которая возводит «в абсолют индивидуализм каждого славянского народа». По мнению Ф. Воллмана, она – чужеродна и была привнесена западным влиянием. В душе каждого славянина происходит «диалектическое взаимодействие этих двух доминирующих начал», поэтому развитие славянских народов виделось ему как непрерывная цепь сменяющихся друг друга идеологических систем – интеграционной и дифференционной³.

¹ Weingart M. *Slovanská vzájemnost*. Bratislava, 1926. S. 192.

² Kramář K. *Ruská krize*. Praha, 1921; Idem. *Pět přednášek o zahraniční politice*. Praha, 1922; Idem. *Na obránu slovanské politiky*. Praha, 1926.

³ Wollman F. *Kollarův mesianismus // Slovanská vzájemnost. 1836–1936*. Praha, 1938. S. 34–59. Эти же идеи Франк Воллман высказывал в своей книге: *K methodologii srovnávací slovesnosti slovanské*. Brno, 1936. S. 39; 56–57.

Такой подход резко критиковал А. Штефанек, который подчеркивал, что формирование чехословацкой нации основывается «на национальном сознании, а не отвлеченных славянских построениях»¹. А. Штефанек выступал с позиций «критического славянства». Этот же подход разделяли ученые-слависты М. Мурко, Й. Горах, Я. Якубец². Ему была созвучна тональность книги Йозефа Ирасека «Россия и мы» (1929 г.). Она содержала упрощенную трактовку русско-чешских отношений и доказывала, что в основе чешского русофильства было «сознание собственной малочисленности и слабости», в то время как в России интерес к чехам был вызван «только желанием утвердить там Православие»³. Односторонность этого вывода не смущала автора, который не вдавался в тонкости анализа русских источников и доводил постулаты Т. Г. Масарика до ригористических формулировок.

В традиционные дискуссии включались и новые силы. Основным представителем коммунистического направления в чехословацкой историографии стал Зденек Неядлы. В чешском русофильстве он вводил новую классификацию по классовому критерию: «реакционное царофильство» и «прогрессивную, революционную борьбу». Критерием служило польское национальное движение. З. Неядлы вообще позволял себе произвольные политические аналогии и метафоры. Польское движение XIX века он напрямую ассоциировал с современной ему советской Россией, а сам открыто признавал, что для него идеалом славянской взаимности является Советский Союз⁴. По сути, это была попытка противопоставить концепции «критического славянства», имевшей много сторонников среди историков и политиков, концепцию «революционного славянства», которая стала утверждаться не только среди коммунистов Восточной Европы, но прежде всего в советской историографии.

Подобный подход был характерен и для первой книги Вацлава Жачека, изданной в 1935 г. в Славянском институте. Полонофильство в чешской патриотической среде отражало, по мнению автора, освободительную, «прогрессивную тенденцию», которой противостояла «реакционная» идея интеграции славянских народов под эгидой царской России⁵. Так закладывалась новая система координат в осмыслении славянской идеологии. Если в имперской традиции ядром «славянского мира» выступала Россия, то в коммунистической историографии ее замещала революционная Польша. Эта смена акцентов неизбежно вела к искажению исторической реальности, но облегчала национальным историографиям Восточной Европы поиск оптимальных ориентиров. Можно было отойти от «неудобных» дискуссий о роли русского фактора и перенести внимание на революционные смыслы национальных движений.

Несмотря на различие в подходах, концепции межвоенного времени так или иначе выстраивались вокруг тех проблем, которые были поставлены в трудах

¹ Stefanek A. Kollaruv nacionalismus // Ibid. S. 378–379.

² Murko M. Jan Kollar, der Dichter und philosophisches Begründer der literarischen Panslavismus // deutsche Einflüsse auf die Anfänge der böhmischen Romantik. Wien, S. 226; Idem. Slovanska myslénka pred Kollarém // Slovanska vzajemnost. S. 71–78.

³ Jirasek J. Rusko a my: studie vztahu ceskoslovensko-ruských od počátku 19. Století do R. 1867. Praha, 1929. S. 180–193.

⁴ Nejedlý Z. Česke rusofilství // Nove Rusko. № 1. Praha, 1925. S. 50–54; Idem. Slovanství. Var. 4. Praha, 1925–26. S. 497–498.

⁵ Začek V. Ohlas polského povstání R. 1863 v Čechách. Praha, 1935. S. 26–28.

Т. Г. Масарика. Ученые пытались дать на них свои ответы в зависимости от профессионального опыта и личных убеждений. За рассуждениями об исторических судьбах славянской идеи прослеживались острые общественные дискуссии о молодой чехословацкой демократии, ее отношении к своему прошлому и к СССР.

Список литературы

1. Доубек В. Динамика критики антидемократического режима. Т. Г. Масарик, Э. Бенеш и большевистская революция // Россия и Чехия. Научные, культурные и общественные связи: материалы Комиссии историков и архивистов Российской Федерации и Чешской Республики. СПб.: Алетейя, 2016.
2. Задорожник Э. Г. Т. Г. Масарик и Россия // Россия в глазах славянского мира. М., 2007.
3. Задорожник Э. Г. Идеи Т. Г. Масарика о государственности малых народов и славянской федерации: история и современность // Россия и Чехия. Научные, культурные и общественные связи: материалы Комиссии историков и архивистов Российской Федерации и Чешской Республики. СПб.: Алетейя, 2016. С. 110–137.
4. Серапионова Е. П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы. М: Наука, 2006.
5. Československá slavistika v letech 1918–1939. Praha, 1977.
6. Opat J. Pruvodce životem a dílem T. G. Masaryka. Česká otázka včera a dnes. Praha, 2003.
7. Winkler M. Karel Kramář (1860–1837). Selbstbild, Fremdwahrnehmungen und Modernisierungsverständnis eines tschechischen Politikers. München, 2002.

Поступила 5.09.2017; принята к публикации 5.10.2017

Павленко Ольга Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент, проректор по научной работе, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, *olgapavlenko@mail.ru*

THE CONCEPT OF “CRITICAL SLAVICISM” BY T. G. MASARYK AND CZECHOSLOVAK STUDIES OF THE INTERWAR PERIOD

O. V. Pavlenko

The article examines the history of the Slavs in Czechoslovakia in 1920–1930-s of the twentieth century. This period was marked by large-scale Slavic studies conducted at the Russian Free University, which received subsidies from the government of the Czechoslovak Republic. The key figure in the historiography of that period is President Tomáš Garik Masaryk, who left a significant intellectual legacy. His research is devoted to the history of Slavic identity in Russia and Europe, as well as the study of Russian conservatism, which T. Masaryk perceived through the lens of liberal criticism and used the same argument. T. Masaryk paid considerable attention to the study of collective identities in Austria-Hungary. In his opinion, the national consciousness is most successfully spreading where the contrasts of “His” and “Alien” are sharper. Nevertheless, regional separatism was counterbalanced by the historical consciousness of the “common homeland”, enshrined in the experience of several centuries. The concept of “critical slavicism”, developed by T. G. Masaryk, included three main components:

the rationale for a consistent transition from the all-Slavonic to the national identity among the peoples of the Habsburg monarchy; comprehension of the commonality of the small nations living on the territory of the Habsburg monarchy; liberal interpretation of the development of the Slavic idea in Russia. This triad became dominant in subsequent historical studies of Czechoslovak scholars in the interwar period. The approaches of K. Kramář, A. Stefaňek, Z. Nejedlý and V. Zhachek, who belonged to different directions of Czechoslovak historiography, which in their works either developed Masaryk's ideas or oppose him, are also considered in the article. The article concludes that despite the difference in approaches, the concepts of the interwar period somehow or other were built around the problems that were posed in the works of T. G. Masaryk. The scientists tried to give their answers to them, depending on their professional experience and personal convictions. The discussion of the historical destinies of the Slavic idea was followed by sharp public discussions about the young Czechoslovak democracy, its attitude towards its past and the USSR.

Keywords: T. G. Masaryk, “critical Slavdom”, Czechoslovak studies, the interwar period, historiography, collective identity.

Citation for an article: Pavlenko O. V. The concept of “critical slavicism” by T. G. Masaryk and Czechoslovak studies of the interwar period. *West – East*. 2017, no. 10, pp. 127–135. DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-127-135

References

1. Doubek V. Dinamika kritiki antidemokraticeskogo rezhima. T. G. Masarik, Je. Benesh i bol'shevistskaja revolucija [Dynamics of criticism of the anti-democratic regime. T. Masaryk, E. Benes and the Bolshevik Revolution]. *Rossija i Čehija. Nauchnye, kul'turnye i obshhestvennye svjazi: materialy Komissii istorikov i arhivistov Rossijskoj Federacii i Česhskoj Respubliki* = Russia and the Czech Republic. Scientific, cultural and public relations: materials of the Commission of Historians and Archivists of the Russian Federation and the Czech Republic, Saint Petersburg: Aletejja, 2016. (In Russ.).
2. Zadorozhnik Je. G. T. G. Masarik i Rossija [Masaryk and Russia]. *Rossija v glazah slavjanskogo mira* = Russia in the eyes of the Slavic world, Moskow, 2007. (In Russ.).
3. Zadorozhnik Je. G. Idei T. G. Masarika o gosudarstvennosti malyh narodov i slavjanskoj federacii: istorija i sovremennost' [Masaryk about the statehood of small nations and the Slavic federation: history and modernity]. *Rossija i Čehija. Nauchnye, kul'turnye i obshhestvennye svjazi: materialy Komissii istorikov i arhivistov Rossijskoj Federacii i Česhskoj Respubliki* = Russia and the Czech Republic. Scientific, cultural and public relations: materials of the Commission of Historians and Archivists of the Russian Federation and the Czech Republic, Saint Petersburg: Aletejja, 2016. (In Russ.).
4. Serapionova E. P. Karel Kramarzh i Rossija. 1890–1937 gody [Karel Kramarzh and Russia. 1890-1937]. Moskow: Nauka, 2006. (In Russ.).
5. Československá slavistika v letech 1918–1939 [Czechoslovakian Slavonic Studies in 1918–1939]. Praha, 1977. (In Czech.).
6. Opat J. Pruvodce životem a dílem T. G. Masaryka. Česká otázka včera a dnes [Wizard through the life and work of T. Masaryk. The Czech question yesterday and today]. Praha, 2003. (In Czech.).
7. Winkler M. Karel Kramář (1860–1837). Selbstbild, Fremdwarnehmungen und Modernisierungsverständnis eines tschechischen Politikers [Karel Kramář (1860–1837). Self-image, foreign perception and modernization understanding of a Czech politician]. München, 2002. (In Czech.).

Ol'ga V. Pavlenko, Ph. D. (History), Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moskow, olgapavlenko@mail.ru